

ЛИТОВСКО-ТВЕРСКАЯ ГРАНИЦА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV – НАЧАЛО XVI В.)

*В.Н. Темушев**

Литовско-тверские политические связи имели глубокие корни и завязывались еще с XIII в.

Под 6793 (1285) г. в Сузdalской летописи по Лаврентьевскому списку сообщается: «Воевали Литва Тферьского владыки волость Олешню»¹. Объединённое русское войско, состоявшее из ратей городов Твери, Москвы, Волока Ламского, Торжка, Дмитрова, Зубцова и Ржевы, т. е. пограничных городов, выступило против литовцев и разбило их. Каковы же обстоятельства и причины обнаружившейся литовско-тверской конфронтации?

В своё время (1266 г.) только что занявший псковский престол князь Довмонт захватил жену и двух сыновей (среди них, возможно, был Андрей) князя Гердена (в то время наместника литовского князя Войшелка в Полоцке) и полностью разгромил погнавшегося за ним, а потом пытавшегося переправиться через Двину полоцкого князя².

В том же году в Новгород прибыл с полками великий князь владимирский Ярослав Ярославич (первый тверской князь), намеревавшийся «ити на Плесковъ на князя Домонта»³. Новгородцы не поддержали Ярослава. Однако указанное событие выявило явную союзническую связь между полоцким наместником князем Герденем, а вслед за ним и литовским князем Войшелком (одним из немногих православных в то время литовских князей), с правителями Тверской земли.

Показательно в этой связи то, что первый тверской епископ Симеон прибыл на новую кафедру именно из Полоцка, из которого вынужден был уйти в связи с распространением там после князя Гердена католического влияния (переехал в Тверь между 1267 и 1271 гг.)⁴. Не случайно нападение 1285 г. князя Довмента последовало именно на епископские владения Симеона. Поставление же в тверские епископы в 1289 г. сына Гердена Андрея явно говорит в пользу крепких связей между определёнными политическими силами в Литве и Тверском княжестве. (Следует заметить, что исследователь истории Твери Эккхард Клюг отрицает возможность литовско-тверских союзнических отношений⁵).

Как бы то ни было, но уже в XIII в. литовско-тверские противоречия вызвали конфликт, затронувший и выявивший тверское пограничье. Между тем, непосред-

* Темушев Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Беларусь.

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 2001. – Т. 1. – Стб. 483.

² ПСРЛ. М., 2000. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – С. 85.

³ Там же.

⁴ Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). – Тверь, 1994. – С. 67.

⁵ Там же. – С. 123–124.

ственной границы между литовскими и тверскими владениями в то время, очевидно, ещё не существовало.

Отсутствие общей границы, а, следовательно, и пересечения территориальных интересов стало, возможно, одной из причин политического сближения Литовского и Тверского княжеств в XIV в. Уже зимой 6828 (1320/21) г. был заключён брак между тверским князем Дмитрием Михайловичем и дочерью великого князя литовского Гедимина Марией («...за князя Дмитрия Михайловича приведоша княжну Марию изь Литвы Гедиминову дщерь»)⁶.

Дальнейшее укрепление литовско-тверских отношений, как это ни парадоксально, было связано с посредничеством Москвы. Именно к московскому князю (великому князю владимирскому) Семёну Ивановичу в 1349 г. прибыли послы от великого князя литовского Ольгерда с просьбой отдать за своего правителя дочь тверского князя Александра Михайловича Ульяну («...князь Литовский Олгордъ прислал свои послы къ князю великому Семену Иванович[ю] бити челомъ и просити за себе свести княжи Семеновы княжны Ульяны княжи дчери Александровы Михайловича Тферьского»)⁷. Обращение с такой просьбой к московскому князю не было случайным. Во-первых, Семён Иванович, будучи великим князем владимирским, являлся формальным главой Северо-Восточной Руси; во-вторых, Ульяна была сестрой жены московского князя Марии⁸. Брак Ольгерда на тверской княжне, приходившейся московскому князю свояченицей, а также последовавшая чуть позже (в 1350/51 г.) свадьба сына тверского князя Василия Михайловича Михаила на дочери московского князя Семёна Ивановича Василисе⁹ создали особую систему устойчивых политических связей между Вильно, Тверью и Москвой.

Эта система равновесия очень скоро была нарушена. Вмешательство Орды, предоставившей в 1352 г. одному из тверских князей ярлык на княжение (Василию Михайловичу), вызвало «неимоверство и нелюбие» в их среде¹⁰. Между Москвой и Вильно также стали определяться разногласия из-за влияния на Смоленск и в связи со стремлением Ольгерда создать собственную православную митрополию. Проблемы со Смоленском были урегулированы в литовско-московском договоре, заключённом на р. Протве в 1352 г., причём тогда литовское господство над Смоленском сменилось на московское¹¹. Однако уже в 1356 г. разгорелась борьба за господство над смоленскими и брянскими землями. Именно к этому году относится, хотя и недолговременное, приближение литовских владений к тверским пределам.

Летом 1356 г. «Сижского сынъ Иван седе съ Литвою во Ржеве»¹². Таким образом один из удельных ржевских князей (Сижка – волость Ржевской земли), уже лишившийся своих владений (его не называют сижским князем, а всего лишь сыном сижского князя), был посажен в Ржеву с помощью литовской силы. В том же году, осенью Ольгерд напал на Брянск и Смоленск и даже пленил сына смолен-

⁶ ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 41.

⁷ Там же.– Вып. 1. – Стб. 59.

⁸ Там же. – Стб. 57.

⁹ Там же. – Стб. 60; ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 10. – С. 222.

¹⁰ ПСРЛ. – Т. 10. – С. 223.

¹¹ Флоря Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. – М., 1982. – Вып. 1. – С. 62.

¹² ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 65.

ского князя¹³. Вскоре после неясных событий, мятежа «отъ лихихъ людей»¹⁴ (партии сторонников ВКЛ?) Брянск оказался полностью во власти ВКЛ («и потом нача обладати Брянскомъ князь велики Литовскій»)¹⁵. Впрочем, в Смоленске литовское влияние не закрепилось¹⁶, а из Ржевы совместные силы Волока Ламского (или Твери) и Можайска летом 1358 г. выбили литовского ставленника (В Никоновской летописи читаем: «Тверская рать да Можайская взяша Ржеву, а Литву изгнаша»¹⁷; в Рогожском летописце содержатся иные данные: «Волотьская рать да Можайская взяли Ржевоу, а Литвоу выслали вонь»¹⁸).

Ржевская земля на юго-востоке непосредственно соприкасалась с тверскими владениями. Находившиеся в этом регионе ржевские волости Рясна и Осечен стали известны благодаря событиям 1335 г., когда собранное из новгородцев войско Ивана Калиты «пожже городке Литовъскыи Осечень и Рясну и иных городковъ много»¹⁹. Таким образом, уже довольно давно литовские владения проникли далеко на восток, клином врезавшись в территорию, на которую претендовали Смоленск, Новгород и Тверь. Осечен и Рясна, очевидно, обладали чрезвычайно выгодным стратегическим положением, фактически ставя под контроль участок тверской границы и создавая плацдарм для наступления на новоторжские и иные новгородские земли (так, например, в 1335 г. «воеваша Литва Новоторжскую волость на миру»²⁰), а также, непосредственно, на саму Ржеву (до 1356 г. еще не захватывавшуюся литовскими силами). Кроме того, можно заметить, что уже до 1335 г., хоть и временно, верховье Волги оказалось под литовской властью Великого княжества Литовского. Из двух упомянутых «литовских городков», Осечен находился на левом берегу Волги, а Рясна несколько восточнее реки. Оба городка прикрывали далеко продвинувшиеся на восток литовские владения.

Установление власти литовских князей в верховье Волги стало возможным благодаря присоединению Торопецкой земли, отстоявшей к северо-востоку между новгородскими и смоленскими владениями. Торопец в свое время (имеется в виду период до нашествия монголов. – Ред.) испытал опустошительный набег «литвы»²¹ и приблизительно с 1320 г. уже находился в составе Литовского княжества²². Верховья Ловати, Двины и Волги стали литовскими.

Достаточно недолгий срок обладания Ржевой (1356–1358 гг.), вероятно, все же помог Ольгерду совершить кое-какие действия по укреплению своего положения в регионе. В 1359 г. «Смольяне воевали Белою»²³, следовательно, к этому

¹³ ПСРЛ. – Т. 10. – С. 228.

¹⁴ Kuczynski S.M. Ziemia czemigowsko-siewierskie pod rzadami Litwy. – Warszawa, 1936. – С. 114–117.

¹⁵ ПСРЛ. – Т. 10. – С. 228.

¹⁶ Флоря Б.Н. Указ. соч. – С. 66.

¹⁷ ПСРЛ. – Т. 10. – С. 230.

¹⁸ ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 67. То, что в названных летописях указываются отряды из разных городов, имеет принципиальное значение: если от Волока Ламского вполне естественно ожидать подчинение московскому, или точнее великому князю владимирскому, то от Твери, тем более конца 1350-х гг., это ждать не приходится. Кроме того, Рогожский летописец отражает, по всей видимости, летописный текст, являющийся первичным по отношению к Никоновской летописи (прим. ред.).

¹⁹ ПСРЛ. – Т. 3. – С. 247.

²⁰ Там же.

²¹ ПСРЛ. – Т. 1. – Стб. 447–448 (1225 г.); сообщение под этим годом, сохранившееся в составе Сузdalской летописи по Академическому списку, более краткое, см.: Вып. 3. – Стб. 510 (1225 г.).

²² Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. – М., 1892. – С. 31.

²³ ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 68.

времени город Белая был в составе Литовского княжества, причём, как видно из летописной заметки, отвоевать Смоленскому княжеству свои бывшие владения не удалось. В качестве ответной меры в том же году великий князь литовский Ольгерд напал на Смоленск, занял Мстиславль («а Литвою свою въ немъ посадиль»), затем зимой послал сына Андрея на Ржеву и теперь уже сравнительно надолго захватил её²⁴. Видимо, литовский правитель стремился основательно закрепиться в таком стратегически важном пункте, как Ржева, поскольку в 1360 г. сам приезжал «Ржевы смотрит[ь]»²⁵.

После присоединения Белой, территории Литовского княжества вышла также и к верховью р. Днепр. Таким образом, верховья трёх крупнейших рек Восточной Европы (Двина, Волга и Днепр) в середине XIV в. принадлежали Великому княжеству Литовскому (далее: ВКЛ). К тому же Смоленское княжество оказывалось окружённым полукольцом литовских владений, что во многом предопределило его подчинение литовской власти. Смоленск к этому времени лишился почти половины своей территории (Ржева, Белая, Мстиславль). Брянск, с конца XIII в. находившийся в сфере влияния Смоленска и управлявшийся князьями смоленской династии, вскоре после 1356 г. также был включён в состав ВКЛ. Тем самым и течение р. Десны (левый приток Днепра) теперь контролировалось литовской властью.

Укрепившись в районе верховий Волги, Двины и Днепра, литовские князья посчитали возможным повести дальнейшее наступление на соседние земли. Так, зимой 6869 (1361/62) г. «литва волости Тферъскии имали»²⁶. Вероятно, пострадали волости тверского удельного князя Михаила Александровича Микулинского, так как вскоре именно он «ездить въ Литву о миру и взяль миръ съ Олгердомъ»²⁷. Владения князя Михаила Александровича тогда находились сравнительно далеко от границы с ВКЛ, однако вскоре нападению подвергся и бывший Холмский удел, занимавший пограничную западную часть Тверского княжества. В 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий, очевидно, из Ржевы напал на близлежащие тверские волости Хорвач и Родню. Однако сразу же за литовским нападением, последовал поход серпуховского удельного князя Владимира Андреевича на Ржеву и захват её («...князь Андреи Олгердович[ь] Полотъскии воеваль Хорвачъ и Родню, а князь Володимеръ Андреевичъ ходиль ратию да взяль Ржеву, а литву отъпустиль изъ города»²⁸).

Таким образом, первый на короткое время появившийся участок литовско-тверской границы стал районом конфронтации. Причём в отсутствии литовской власти на верховьях Волги были одинаково заинтересованы Тверь, Москва и Новгород. Очевидно, как верховья Волги, так и город Ржева, разместившийся на её левом берегу, являлись связующим территориальным звеном между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью, поэтому мы видим, что в борьбе за Ржев-

²⁴ ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 68.

²⁵ Там же. – Стб. 69. О перипетиях борьбы за Ржеву см.: Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и её волости в XIV – XV вв.) // История СССР. – 1984. – № 6. – С. 149–162; Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. – М., 1998. – С. 62–67; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. – Вып. 5. – М., 2004. – С. 138–143.

²⁶ Там же. – Стб. 72.

²⁷ Там же. – Стб. 73 (1462/1363 г.).

²⁸ Там же. – Стб. 87.

скую землю совместно действовали тверские, московские и новгородские силы. Впрочем, и стремление ВКЛ сохранить за собой важнейший стратегический пункт было очень настойчивым.

В 1376 г. последовало новое, уже неудачное, нападение серпуховского князя Владимира Андреевича на Ржеву²⁹. Следовательно, до 1376 г. город вновь стал подконтролен ВКЛ. По мнению В.А. Кучкина, это произошло до лета 1372 г.³⁰.

Однако в кругах литовской знати было, вероятно, осознано превосходство в верхневолжском регионе позиций Москвы, за которой к тому времени стояла сила почти всей Северо-Восточной Руси, сила, способная противостоять Орде. Поэтому новый великий князь литовский Кейстут в период своего короткого правления (1381–1382 гг.) пошёл на компромисс с великим князем московским Дмитрием Ивановичем. Согласно заключённой между 1381–1382 гг. договоренности Литва уступала Ржеву и большую часть её волостей Москве. При этом одна волость – Осуга – оставалась за ВКЛ.

Московско-литовский договор 1381–1382 гг. неизвестен³¹, однако вывод о достигнутой договоренности и выработке компромисса относительно Ржевской земли можно сделать благодаря анализу договора о «вечном мире» от 31 августа 1449 г. между князем великим Василием Васильевичем и Казимиром IV. По договору волость Осуга осталась в правлении волостелей великого князя Кейстута («А которыи места волостили веда[ли] Осугу пры великому князи Кестутыи, и твоим волостелемъ по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не вступатисе»³²).

Сохранившая литовское управление волость компенсировала довольно ощущимую территориальную потерю. Занимая течение реки Осуги (левый приток Вazuзы), она охватывала южную часть Ржевской земли и, тем самым, оставляла возможность определённого контроля за ржевской территорией в целом. Кроме того, в конце XIV в. район волости Осуга остался единственным местом соприкосновения владений ВКЛ с тверскими землями, служа своеобразным «мостом» между двумя княжествами.

Таким образом, к короткому времени правления в ВКЛ Кейстута можно отнести начало формирования устойчивого участка литовско-тверской границы, продержавшегося на протяжении почти века с четвертью. Между двумя княжествами появлялись и другие участки общей границы, однако они существовали либо короткий отрезок времени, либо не имели существенного значения.

Буквально на несколько лет устанавливалась литовско-тверская граница между Ржевской землей с тверской стороны и землями Торопца и Белой – с литовской. Дело в том, что Ржева дважды попадала во владение тверских великих князей. Происходило это в 1399 – первых годах XV в.³³ и в 1446 (фактически в 1447) – 1449 гг. В обоих случаях Ржеву уступали великим князьям тверским московские правители, и оба раза город с волостями возвращался к Москве.

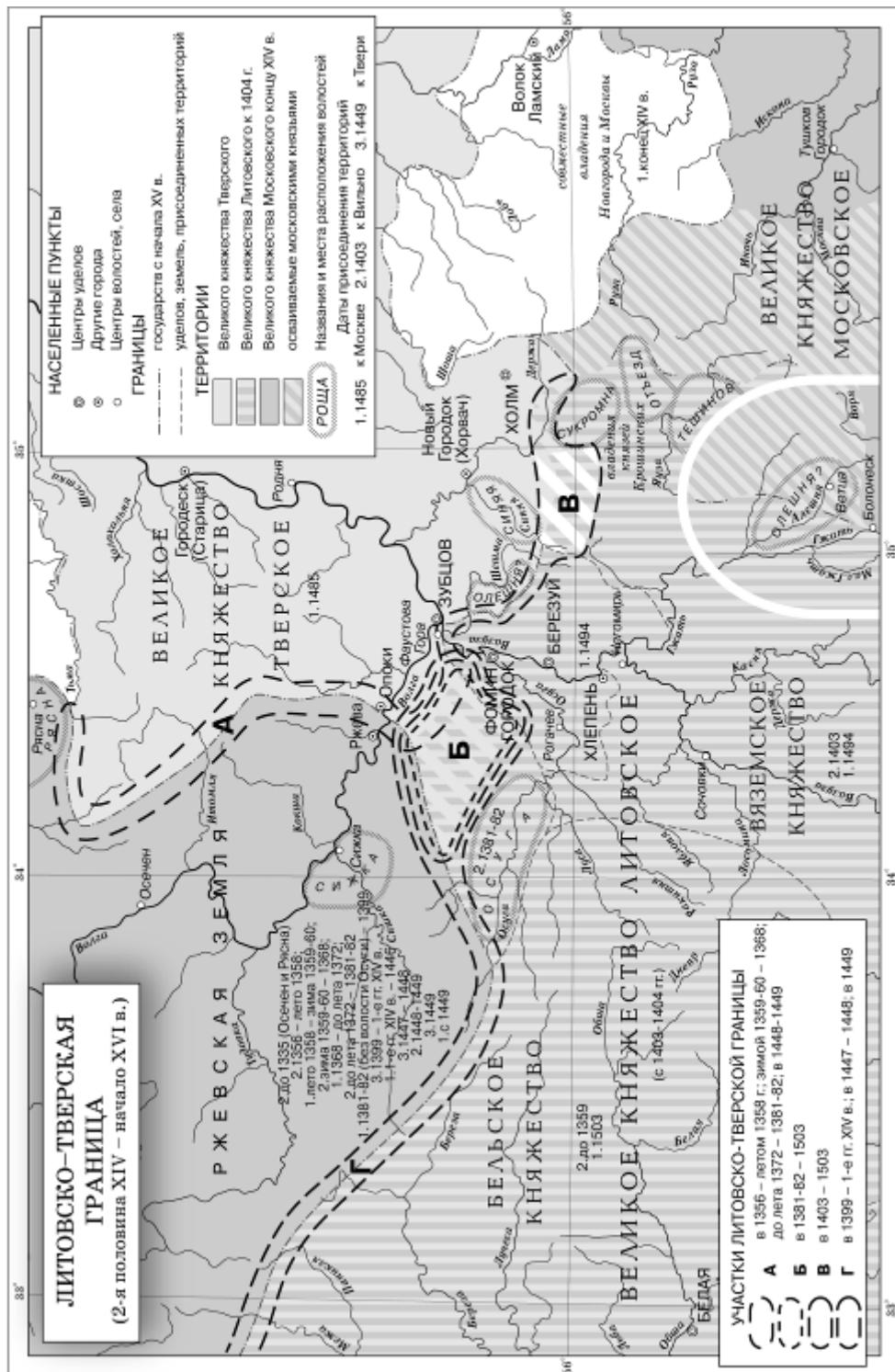
²⁹ ПСРЛ. – Т. 15. – Вып. 1. – Стб. 116.

³⁰ Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе. – С. 152.

³¹ Если бы он существовал, то весьма вероятно, был бы упомянут в описи архива Посольского приказа 1627 г. (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977). Об уточнении даты составления описи архива Посольского приказа после пожара в мае 1626 г. см.: Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. – М., 2003. – С. 119. Прим. 3.

³² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). – М.; Л., 1950. – № 53. – С. 160–161.

³³ Кучкин В.А. Указ. соч. – С. 153.

Сравнительно более долгий срок сохранялся участок литовско-тверской границы, сформировавшийся после присоединения к ВКЛ территории Вяземского княжества (1403 г.). Таким образом, вместе с периодически зависимым от ВКЛ Фоминско-Березуйским княжеством (низовья рек Осуги и Вазузы, при впадении последней в Волгу) и осколком Ржевской земли (волость Осуга) северо-восточные вяземские пределы составили довольно протяжённую линию соприкосновения литовских и тверских владений.

Вяземско-холмская граница (как участок литовско-тверской), имела, вероятно, своеобразный характер, и намечена она может быть лишь условно. Во-первых, между литовскими и тверскими владениями в том регионе существовала полоса незанятых, неосвоенных земель. Это была болотистая местность с островками лиственных лесов (об этом говорит даже название одной из находившихся в окрестностях волости – Ольховец). Археологические данные дают представление о крайней немногочисленности в регионе памятников периода средневековья³⁴. Так может быть описана та часть литовско-тверской границы, что шла к востоку от фоминско-березуйских земель.

Во-вторых, дальше обнаруживался противоположный по характеру заселения и освоенности район с чересполосными литовско-тверскими владениями. Крайний северо-восток Вяземского княжества с начала XV в. был отдан в вотчину князьям Крошинским. Волости последних (Тешиновичи, Сукромна, Ольховец, Надславль, Отъезд, Лела) выявляются на территории к востоку от р. Гжать (приток Вазузы) в направлении к можайским землям Великого княжества Московского)³⁵. Наиболее близкими к тверским землям были, очевидно, волости Сукромна и Отъездец, так как позже они появились в составе именно тверских уездов. Так, из грамоты 1530 г. мы узнаём о существовании Сукроменского стана в составе Старицкого уезда, холмских волостях Старый и Новый Отъезд³⁶. Позже стан Отвотский и Сукроменский обнаруживается в Можайском уезде³⁷. Вероятно, Сукромна была разделена надвое между двумя уездами – Старицким и Можайским. Вполне возможно, территории обозначенных волостей так переплелись между собой, что их трудно было размежевать, поэтому в будущем мы наблюдаем исчезновение Холмского уезда с системой волостей, а на его месте – появление Холмской волости в составе Старицкого уезда. Очевидно, несколько волостей (в прошлом литовских и тверских) были слиты воедино.

О существовании плотного контакта между литовскими и тверскими владениями говорит целый ряд договорных грамот. В литовско-тверском договоре 1427 г. упоминается рубеж между ВКЛ (Смоленском) с великим княжеством Тверским и оговариваются условия владения порубежных мест. («А которыи места порубежныи потягли будуть к Литве или к Смоленьску, а подать будуть давали к Тфери, ино имъ и ныненя тягнути по давному, а подать давати по давномоу. А которы места порубежныи потягли будуть ко Тфери, а подать боудутъ давали к [Литве или к Смоленску], ино им и нынеча тягнути по давному, а подать давати по

³⁴ Археологическая карта России: Смоленская область. – М., 1997. – Ч. 1–2; Шмидт Е.А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. – Смоленск, 1982–1983. – Ч. 1–2.

³⁵ Темушев В.Н. К вопросу о московско-литовской границе XV в. (Владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 3 (21). – С. 103–103.

³⁶ ДДГ. – № 102. – С. 421.

³⁷ Гомье Ю.В. Замосковный край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. – М., 1937. – С. 574.

давнему»³⁸). Впрочем, возможно, указанная статья договорных грамот могла касаться также и другого участка литовско-тверской границы (в районе волости Осуги).

Необходимо также обозначить те территории, которые примыкали к границе с тверской стороны. Пограничными городами на юго-западе Великого княжества Тверского были Опоки (около 2 км восточнее Ржевы на левом берегу р. Волги)³⁹, Зубцов (в излучине р. Волги, напротив устья р. Вазузы), Хорвач (Новый Городок, Погорелое городище у реки Держи правого притока Волги)⁴⁰ и Холм (к востоку от Хорвача).

Видимо, непосредственно у границы располагалась волость Олешня, известная еще с 1285 г. Относительно локализации Олешни к настоящему времени существует три мнения. Поиски похожего названия (метод лингвистического соответствия) привели В.С. Борзаковского к отождествлению центра волости с д. Алешево Зубцовского уезда⁴¹. Такая локализация вызвала справедливую критику В.А. Кучкина, который, используя ряд документов, сумел обозначить приблизительное место волости Олешня между реками Шешмой (правый приток Вазузы) и Вазузой⁴². Тем самым получалось, что территория волости вклинивалась в территорию Фоминско-Березуйского княжества. Однако в системе доказательств своей локализации В.А. Кучкин допустил одну принципиальную ошибку – поменял местами населённые пункты Хлепень и Фомин городок⁴³, – которая позволила В.В. Лелецкому прийти к совершенно иному выводу о местонахождении волости Олешня⁴⁴.

По сути В.В. Лелецким был использован всё тот же метод лингвистического соответствия. Однако радиус поиска названия Олешня был значительно расширен, хотя в своё время В.С. Борзаковский корректно стремился искать волость в районе мест, в связи с которыми она упоминалась (например, в духовной грамоте Ивана III, который передавал сыну Андрею «Холмъских вотчину, Холмъ и Новои городок, да волости Олешню, до волость Синюю, и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами»⁴⁵). На значительном удалении к югу от Холма и р. Синей, вокруг которой располагалась волость Синяя, в районе р. Алешни (правый приток р. Большая Гжать) и была локализована древняя тверская волость Олешня⁴⁶. Замечание В.В. Лелецкого относительно раннего заселения района р. Алешни (там находилась Ветца, известная ещё из уставной грамоты князя Ростислава Смоленского 1136 г.) не вызывает сомнения. Также и принадлежность территории к востоку от р. Гжать Тверской епархии в более позднее время достойна внимания. Однако всё же вывод исследователя необходимо вновь рассмотреть критически.

³⁸ ДДГ. – № 23. – С. 62–63; Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. V., 1993. – Кн. 5: (1427–1506). – № 141. – С. 259.

³⁹ Клюг Э. Указ. соч. – С. 259–260; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. – С. 196.

⁴⁰ Квашнин-Самарин Н.Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. – Тверь, 1887. – С. 34; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... – С. 148, 196.

⁴¹ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – СПб., 1876. – С. 29.

⁴² Кучкин В.А. Формирование государственной территории... – С. 149.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Лелецкий В.В. О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 175–177.

⁴⁵ ДДГ. – № 89. – С. 361.

⁴⁶ Лелецкий В.В. Указ. соч. – С. 176.

Основой системы доказательств В.В. Лелецкого, как и В.А. Кучкина, служит выдержка из текста жалованной грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю от 21 сентября 1539 г. на с. Фаустову Гору в Зубцовском уезде. Крестьяне этого села не должны были платить «мыто» и иные пошлины, «коли повезут те крестьяне монастырские дрова, бревна и всякий лес из Олешни рекою Вазузою мимо Хлепень»⁴⁷. В.В. Лелецкий поправляет В.А. Кучкина в его неверной локализации Фаустовой горы (село близ р. Шешмы) и Хлепеня (на р. Вазузе, ниже Березуеска)⁴⁸ и, соответственно, разбивает построение историка, где в линии Олешня – Вазуза – Хлепень – Фаустова Гора искомая волость оказывается в районе междуречья Шешмы и Вазузы. Новая цепочка доказательств выстраивается по той же схеме, но с уточнённой локализацией. Село Фаустова Гора находилось на правом берегу р. Волги при впадении в неё р. Вазузы, напротив города Зубцова⁴⁹, а город Хлепень не ниже, а выше по течению р. Вазузы от Березуеска. Тем самым логическая цепочка разворачивается в противоположную сторону, а поиски Олешни, по мнению В.В. Лелецкого, следует вести выше Хлепеня на р. Вазузе или её притоках. И вот, значительно южнее всех фигурирующих в системе доказательств топонимов и гидронимов, В.В. Лелецким обнаруживается река Олешня (настоящее название Алешня), вокруг которой и объявляется средоточие искомой волости.

Однако следует заметить, что р. Алешня впадает в р. Гжать, соответственно, в рассматриваемой грамоте должно было быть сказано, что лес везли не только Вазузой, но и Гжатью, протяжённость которой от устья Алешни до устья самой Гжати примерно в 10 раз больше, чем от Хлепеня до устья Гжати. Далее, почему было решено, что именно к себе в село крестьяне Фаустовой горы везли дрова и др.? Вероятнее всего они заготавливали лес в волости Олешне, а затем везли (не сплавляли, так как шли против течения) его по Вазузе мимо Хлепеня далее на юг, без намерения в данном случае останавливаться в родном селе. Более того, весьма вероятно, что волость Олешня находилась рядом с селом Фаустова Гора. Из последнего крестьянам удобно было ходить в Олешню, где и заготавливали они древесину. Тем самым, волость Олешню необходимо, всё-таки, искать рядом с волостью Синей, не выходя за рамки уезда Холма и Нового городка (позже вошли в состав Старицкого уезда). Южная граница уезда (между прочим, включившая и часть бывших вотчин литовских князей Крошинских) не доходила даже до р. Гжати и её притока Язы, не говоря уже о значительно более южной р. Алешне.

И, наконец, необходимо отметить, что в случае принятия локализации В.В. Лелецкого, между волостью Олешней и основным массивом тверских земель оказывался ряд волостей князей Крошинских, входивших в состав ВКЛ, а также некоторые можайские земли Московского княжества, т. е. Олешня непременно была бы тверским эксклавом, окружённым литовскими и московскими владениями.

Итак, следует признать мнение В.А. Кучкина наиболее соответствующим действительности. Однако очевидно, что, несмотря на существование нескольких аргументированных мнений, до сих пор точное местоположение тверской волости Олешни не выяснено. Твёрдо можно убедиться только в том, что тверские владения располагались южнее Холма и Хорвача, а в районе Зубцова и Опок переходи-

⁴⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. – М., 1956. – Ч. 2. – С. 146.

⁴⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... – С. 146.

⁴⁹ Лелецкий В.В. Указ. соч. – С. 175.

ли на правую сторону р. Волги. Бассейны рек Шешмы (правый приток Волги), Синей (левый приток Дерзы) и Держи (правый приток Волги) почти полностью входили в состав Тверского великого княжества. Частично тверские владения здесь пересекались с территорией Фоминско-Березуйского княжества и вотчинами князей Крошинских. Оставался, возможно, и участок с полосой неразмежеванных земель.

Вывод о расположении тверских владений в районе Опок и Зубцова и на правом берегу р. Волги можно сделать лишь гипотетически. Левый берег (к западу почти до Ржевы), несомненно, занимали тверские владения, и если бы р. Волга служила здесь границей, то это обязательно было бы отмечено в договорных грамотах; однако, в них говорится о совместном и чересполосном литовско-тверском владении.

Такая протяжённость литовско-тверской границы сохранялась на протяжении почти столетия (с 1403 до 1494 г.) до присоединения к Москве Вяземского княжества. Линия границы была зажата между ржевскими и можайскими (возможно, волоцкими) землями, принадлежащими Москве. Кроме того, этот участок литовско-тверской границы прерывался посередине массивом земель (Хлебень, Рогачев, Березуйск, Фоминское), на которые издавна имели претензии московские великие князья и владетели которых с 1449 г. были признаны подвластными великому князю московскому. (Реально хлебенские и др. земли оставались в составе ВКЛ, Вяземского княжества, а хлебенская волость Рогачев была даже отдана в вотчину пану Ивану (Яну) Ходкевичу⁵⁰). В 1494 г. эти земли стали частью Московского княжества, так же как и более восточный от них участок литовско-тверской границы, где находились владения князей Крошинских, входивших в состав Вяземского княжества и ВКЛ.

Однако даже после присоединения Вяземской земли к Москве (что отодвинуло далеко на запад московскую границу), участок литовско-тверского порубежья сохранялся. В «листе перемирном великого князя московского Иоанна с королем Казимиром» от 2 мая 1494 г. читаем: «Такъже и Тфера, отчыне нашои (Ивана III. – В.Т.), и всеи Тверской земли рубеж с Литвою по старому рубежу»⁵¹. Таким образом, после 1494 г. ещё некоторое время (до 1505 г. – времени присоединения к Москве Бельского удела ВКЛ) продолжал существовать самый древний участок литовско-тверской границы. Правда, Тверь уже была московским владением, вотчиной государя «всех Руси» Ивана III.

В связи с наличием в течение долгого времени литовско-тверской границы следует сделать следующий вывод. Между основным массивом Московского княжества и Ржевской землёй до ликвидации государственности Великого Новгорода и Тверского княжества не существовало сухопутной связи. Ржевская земля с середины XIV в. попрерменно принадлежала Москве, Вильно или Твери, но примерно с 1381–1382 гг. почти постоянно (кроме коротких периодов 1399 и 1447–1449 гг.) находилась в составе московских владений⁵², при этом оставаясь, по сути, экскла-

⁵⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. – Т. 1: С 1487 по 1533 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 72.

⁵¹ ДДГ. – № 83. – С. 329; Lietuvos Metrika. – № 78.2. – Р. 134.

⁵² Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе... – С. 149–162; Темущев В.Н. Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. – Минск, 2004. – Вып. 1. – С. 77, 78–79.

вом. Уникальный участок литовско-тверской границы на протяжении столетия перекрывал Москве прямой доступ к её верхневолжскому владению, имевшему, очевидно, большое стратегическое значение. В своё время стремление обладать землями Фоминско-Березуйского княжества выдавалось историками за желание Москвы наладить сухопутную связь со Ржевой⁵³. Однако, в реальности, даже приобретя территории в низовьях р. Вазузы, московские князья всё так же вынуждены были пользоваться транзитным сообщением через тверские или литовские владения. Таким образом, становится очевидным особое значение зоны литовско-тверского пограничья как определённого рычага воздействия на сферу московских интересов.

Итак, начало формирования литовско-тверской границы следует отнести к короткому времени правления Кейстута (1381–1382 гг.) (см. рисунок). Тогда появился очень маленький, но важный в стратегическом плане участок пограничья в районе волости Осуги. Литовско-московский договор о вечном мире 1449 г. специально оговаривал владение Казимиром этой бывшей частью Ржевской земли⁵⁴. Очевидно, и после 1494 г. Осуга оставалась в составе ВКЛ.

Значительно протянулась на восток литовско-тверская граница при Витовте, в 1403–1404 гг., когда ВКЛ захватило вяземские и смоленские земли. Очевидно, появившаяся литовская граница заимствовала старый смоленский рубеж. Что характерно, новая власть сохранила в неприкосновенности существовавшую чересполосицу и совместное управление смоленско-тверскими владениями, в связи с чем граница так и осталась без четкого определения.

⁵³ Квашнин-Самарин Н.Д. Указ. соч. – С. 3.

⁵⁴ ДДГ. – № 53. – С. 160–161; Lietuvos Metrika. – № 136. – Р. 252.